

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_39

Российская стратегическая культура как объект научного исследования

К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация. Исследователь международных отношений и внешней политики часто сталкивается с проблемой поиска мотивации государственных акторов, регуляции их внешнеполитического поведения. В настоящее время одной из концепций по улучшению понимания данных обстоятельств является стратегическая культура. В данном исследовании стратегическая культура России рассматривается через призму ценностно-исторических постулатов, которые находят свое отражение во внешнеполитических доктринальных документах.

Ключевые слова: стратегическая культура, Россия, международные отношения, внешняя политика, принятие политических решений

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ № FSFU-2020-0020.

Для цитирования: Кожухова К. Е. Российская стратегическая культура как объект научного исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). 39–45. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_39

Original article

Russian Strategic Culture as an Object of Scientific Research

Kira E. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

kira.kozhuhova@mail.ru

Abstract. A researcher of international relations and foreign policy often faces the problem of finding the motivation of state actors, regulating their foreign policy behavior. Currently, one of the concepts for improving the understanding of these circumstances is a strategic culture. In this study, the strategic culture of Russia is considered through the prism of value-historical postulates, which are reflected in foreign policy doctrinal documents.

Keywords: strategic culture, Russia, foreign policy, international relations, political decision-making

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the state assignment of the FSBEI HE MSLU (project No FSFU-2020-0020).

For citation: Kozhukhova, K. E. (2022). Russian Strategic Culture as an Object of Scientific Research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 39–45. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_39

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в политической науке остро стоит проблема поиска объяснительной модели внешнеполитического поведения крупных игроков мирового порядка, в том числе и Российской Федерации. Многие десятилетия ученые спорят о том, какая теоретическая концепция наиболее точно будет способствовать прогнозированию курса внешней политики той или иной страны. Исследователи работают в парадигме модерна, неореализма, конструктивизма, институционализма, но пока не находят универсального ответа на данный вопрос.

Именно поэтому ведущие исследователи, как западные, так и отечественные, изучают феномен стратегической культуры, детерминирующий поведение страны на международной арене:

- особый внешнеполитический взгляд народа на решение проблем национальной безопасности;
- восприятие угрозы;
- убеждения о природе силы для реагирования на возникающую острую ситуацию.

Понимание национальной стратегической культуры позволяет выяснить, какие традиции, обычаи, черты национального менталитета и исторической памяти, отраженные в политике, влияют на принятие внешнеполитических решений вне зависимости от личности лидера страны и внешнеполитической ситуации.

Концепция стратегической культуры представляется выигрышной для подобного рода исследований, так как она затрагивает не только стратегическую, военную и силовую часть внешней политики государства, но и делает упор на культурную базу внешнеполитической деятельности нации.

РОССИЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В первую очередь следует отметить, что еще военные классики прошлого обращали внимание на оригинальность применения Россией военной силы, своеобразие ее военного искусства. Среди таких мыслителей был и известный военный теоретик К. Клаузевиц [Белозёров, 2015].

Первыми же исследователями советской и российской стратегической культуры стали американские ученые, поскольку именно они участвовали в разработке концепции стратегической культуры и изучали государства первостепенной стратегической важности для внешней политики США.

Исследования начинаются с изучения предшествующей ей советской стратегической культуры Дж. Снайдером, который занимался данной проблемой еще в 1977 г., отраженной в докладе для корпорации RAND «Советская стратегическая культура: последствия для ядерных возможностей» [Snyder, 1977, с. 23]. Он пришел к заключению о том, что советские военные, которые руководствовались национальной стратегической культурой, отдавали предпочтение превентивному, наступательному применению силы, причины чего ему виделись в российской истории, характеризующейся отсутствием безопасности и авторитарным контролем правителя, с чем можно полностью согласиться, вспоминая такие исторические фигуры, как Иван Грозный или Петр Первый [Сергейцев, Куликов, Мостовой, 2021].

Особенности российской стратегической культуры отмечает и другой американский исследователь К. Грей. Он писал, что «когда мы изучаем российскую стратегическую культуру, мы утверждаем, что существует “русский способ” думать об угрозе или применении силы в политических целях, так и действовать стратегически. Существует российский “способ ведения войны”. Этот “русский путь” является отличительным продуктом истории и географии России, интерпретируемым для руководства россиянами»¹ [Gray, 2006, с. 12]. Действительно, «русский путь» виден на протяжении всей истории Российского государства, начиная от монгольского нашествия и заканчивая сегодняшним днем.

Немаловажный вклад в изучение российской стратегической культуры внес американский политолог Ф. В. Эрмарт. Он утверждал, что «традиционная российская стратегическая культура – культура имперской России с момента ее возникновения как государства в середине прошлого тысячелетия и на протяжении большей части существования Советского Союза до конца 1980-х гг. была одной из самых воинственных и милитаризованных подобных культур в истории... Стратегическая культура в российском случае во многом зависит от политической культуры, от того, как определяется, приобретается, легитимизируется и используется политическая власть; от культуры внешней политики, от того, как воспринимается и решается внешний мир; и от экономической культуры, хотя последняя в российском случае является скорее продуктом влияния, чем сам источник влияния» [Ermarth, 2006, с. 17].

Таким образом, можно сделать вывод, что Дж. Снайдер интерпретировал советскую стратегическую культуру в более оборонительном,

¹Зд. и далее перевод наш. – К. К.

превентивном стиле, другие же два названных ученых определяют российскую стратегическую культуру как имперскую и милитаризованную, что можно объяснить менее устойчивым внешнеполитическим положением Российской Федерации после распада СССР. Тем не менее оценивая проявления российской стратегической культуры в современных условиях, можно утверждать, что она является соединением превентивного и милитаризованного начала. Кроме того, с точки зрения западных исследователей, российская стратегическая культура выступает синергией имперской и советской стратегических культур. Немаловажно и понимание внешнеполитического курса Российской Федерации как «особого русского пути», где «русский» выступает синонимом «российского». Как известно, русские официально провозглашены государствообразующей нацией Российской Федерации.

В связи с восприятием российской стратегической культуры западными учеными важно оценить, как понимают ее отечественные исследователи.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОЗИЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Изучение стратегической культуры в науке России в общем смысле началось в начале второго десятилетия XXI века политологами Т. А. Алексеевой, Э. Н. Ожигановым и другими отечественными учеными. Тем не менее специфика российской стратегической культуры до сих пор остается недостаточно раскрытой. Сформировать мнение о характеристиках российской стратегической культуры можно лишь с опорой на особенности российского внешнеполитического менталитета, идеологии и исторической памяти.

В этой связи логично будет обратиться к ценностным и культурно-историческим особенностям России для выявления специфики российской стратегической культуры.

Как справедливо отмечает по данному вопросу российский философ В. Н. Шевченко, «высшей ценностью и главной особенностью русской ментальности и российской цивилизации в целом приоритет духовных ценностей над материальными, общего блага над индивидуальным эгоизмом, справедливости над формальным законом, подчинение экономики решению социальных задач» [Политические стратегии российского государства как философская проблема, 2011, с. 65]. Таким образом, российская стратегическая культура опирается на постулат первенства справедливости, что обнаруживается и в современной российской

внешней политике. Также исследователь утверждает, что «наиболее важной и отличительной чертой, обуславливающей уникальность российской цивилизации, ее отличие от других цивилизаций, также по-своему уникальных, выступает ее государствоцентричный характер» [там же]. Вместе с тем данная характеристика свойственна многим социумам прошлого и современности.

Если обратиться к труду другого философа, В. И. Спиридоновой, то можно отметить, что «закрепленный в “коллективном бессознательном” идеократический акцент имперской идеи (России. – К. Е.) претворился позднее в стремление спасти мир и человечество» [там же, с. 95]. Данный постулат перекликается с рассмотренным выше постулатом справедливости. Корни его лежат в срединности русского государства по отношению ко всему миру из-за размеров его территории и сосредоточенной на ней мощи и ресурсах. Выступая медиатором конфликтных ситуаций по всему миру, Россия стремилась контролировать политические процессы не только в Европе, но и во всем мире.

Необходимо рассмотреть позицию российского политолога Д. В. Тренина. Он замечает, что «традиционная русская политическая культура существенно отличается от европейской. В ее основе – принципы единоначалия, нерасчлененности и сакрализации высшей власти; вертикали управления; консультативности (“соборности”) как средства совмещения частных интересов; иерархии и в идеале специфической гармонии (“симфонии”) между правителями и управляемыми» [Тренин, 2021, с. 44]. Кроме того, Д. В. Тренин выделяет главную политическую ценность российского народа – его государство, т. е. упомянутую выше государствоцентричность [там же]. Так же заслуживает внимания его идея о положении России в глобальном порядке: «главное для русских при этом, однако, было не господство над возможно большей частью мира, а равенство в отношениях с сильнейшими, чтобы никто не мог диктовать России свою волю» [там же, с. 63].

Профессор В. К. Белозёров в своих работах раскрывает специфику сложившегося в нашей стране в течение длительного времени восприятия угроз и реагирования на них посредством военной силы, закрепившиеся в российском социуме ценностные основания обороны занимаемого им пространства, предназначения армии и военной службы [Белозёров, 2005; Белозёров, 2008; Белозёров, 2021].

Какие же постулаты российской стратегической культуры можно выделить?

Во-первых, государство и его интересы, интересы большинства всегда имели приоритет перед

интересами отдельной личности. Во-вторых, Россия традиционно борется против гегемонии в международных отношениях и выступает за справедливый мировой порядок. В-третьих, российская стратегическая культура опирается на равенство государства среди других великих держав, отстаивая свой суверенитет.

Проявления российской стратегической культуры можно обнаружить в доктринальных документах России.

ПРОЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ

По утверждению профессора П. А. Цыганкова, внешняя политика должна строиться на долгосрочных устойчивых детерминантах, присущих любому государству и укоренившихся в его национальном духе: физических факторах (географическое положение, природные ресурсы и др.); структурных факторах (политические и экономические институты, политические партии и др.); культурных факторах (культура, ценности, традиции, идеология и др. [Цыганков, 1994]). К последним правомерно отнести и стратегическую культуру.

Несомненно, исторический опыт, как и культура и традиции государства, оказывают влияние на его внешнюю политику [Kertzer, 1988]. По утверждению А. А. Свечина, русского военного теоретика, «доктрина – дочь истории. <...> Понять чью-либо доктрину – это позволяет глубоко проникнуть в мысль и отчасти предвидеть действие» [Свечин, 1994, с. 70–71]. В этой связи кажется небезынтересным, что Свечин связывает официальные установки государства относительно военной силы, доктрину с культурными особенностями, что сближает ее смысл со смыслом стратегической культуры. Доктрина по А. А. Свечину – есть «тактическое мирозерцание, находящееся в тесной связи с условиями эпохи и характером народа и войск <...> доктрина не может быть переведена или заимствована, а должна родиться из нашего сознания» [там же]. Таким образом, «проникновение в мысль», т. е. в стратегическую культуру, дает возможность осознать и предугадать курс государства, в том числе и внешнеполитический, увидеть его последовательность и преемственность, что показывает важность знания и изучения стратегических культур разных стран.

Взяв за основу приведенные выше взгляды А. А. Свечина, можно высказать предположение о том, что официальные доктринальные документы и внешнеполитическая концепция государства

в целом есть выражение «мирозерцания» нации и трансляция национальной стратегической культуры. Данное обстоятельство реализуется в превращении ее основных характерных черт в фиксированные внешнеполитические установки и формирование устойчивой внешнеполитической концепции. Указанные феномены ниже будут рассматриваться на примере стратегической культуры России.

Следует начать с такой доктринальной установки, как место страны в мировом порядке. Каждое государство рассматривает свое место в системе международных отношений с уникальной позиции, и Россия не является исключением. Так, Концепция внешней политики Российской Федерации содержит следующую установку: «Россия всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне и нацелена на совместные действия со всеми заинтересованными государствами в интересах решения общих задач. Внешняя политика Российской Федерации является открытой и предсказуемой, характеризуется последовательностью, преемственностью и отражает уникальную, сформированную веками роль России как уравнивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации»¹. Россия видит себя одним из центральных игроков на международной политической арене, что вполне естественно для великой державы. Немаловажно подчеркнуть, что Российская Федерация с точки зрения своей стратегической культуры – ответственный, открытый и предсказуемый игрок, что реализуется на практике. Как великая держава Россия не может допустить существования реальной угрозы близ своих границ и поэтому проводит специальную военную операцию на Украине.

Заслуживают внимания и установки России относительно военной силы. В Военной доктрине Российской Федерации можно увидеть, что ее военная политика «направлена на сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения вооруженных сил, других войск и органов, повышение мобилизационной готовности в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников. Российская Федерация считает правомочным применение вооруженных сил, других войск и органов для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других

¹Концепция внешней политики Российской Федерации // Сайт МИД РФ, 2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248

структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации»¹. Здесь следует отметить, что Россия, ввиду своих национальных интересов, направлена на решение проблем и защиту своего положения путем отражения агрессии не только против нее самой, но и ее союзников, что подчеркивает союзническую направленность российской стратегической культуры.

Другой важной сферой рассмотрения российской стратегической культуры в практике международного взаимодействия является международные отношения. В Концепции внешней политики РФ указано, что «Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам государственной, экономической и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, противодействует их использованию в военно-политических целях, не соответствующих нормам международного права»². Обращает на себя внимания контрольная функция России, воплощенная в нашей стратегической культуре. Российская Федерация принимает участие во многих мероприятиях по контролю за международной политической ситуацией, в том числе и в миротворческих операциях, что закономерно отражает «общественную», общемировую ориентацию российской стратегической культуры.

В заключение отметим ядерную сферу в концепции стратегической культуры России. В Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания можно увидеть, что «сдерживание агрессии обеспечивается всей совокупностью военной мощи Российской Федерации, включая ядерное оружие... Государственная политика в области ядерного сдерживания носит

оборонительный характер, направлена на поддержание потенциала ядерных сил на уровне, достаточном для обеспечения ядерного сдерживания, и гарантирует защиту суверенитета и территориальной целостности государства, сдерживание потенциального противника от агрессии против Российской Федерации и / или ее союзников³. Итак, можно видеть, что российская стратегическая культура в ядерной сфере имеет подчеркнuto оборонительный характер. Россия провозглашает, что ее ядерное вооружение используется только для сдерживания, чем акцентируется внимание на оборонительный уравновешивающий характер российской стратегической культуры в общем смысле.

Хочется отметить, что российская стратегическая культура еще находится в стадии формирования после распада СССР. Тем не менее официальные доктринальные документы дают полное представление об основных постулатах российской стратегической культуры и формируемой ей российской внешнеполитической концепции – невмешательство в международно-политические дела вплоть до возникновения угрозы национальным интересам Российской Федерации или ее союзникам и нарушение общемирового порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализировав современную российскую стратегическую культуру на основе внешнеполитических доктринальных документов Российской Федерации, можно увидеть ее оборонительную составляющую, ценность мира как условие стабильности нашего государства, а также общемировую, гуманистическую ориентацию. В связи с недостаточностью исследований по данной теме необходимо продолжить концептуализацию российской стратегической культуры, что позволит формировать выгодный внешнеполитический курс страны с учетом ее национальных интересов.

¹Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета, 2014. <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>

²Концепция внешней политики Российской Федерации // Сайт МИД РФ, 2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248

³Указ Президента Российской Федерации «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCxFJnKuD1W/content/id/4152094

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозёров В. К. Александр Суворов в трудах Карла Клаузевица // Военный академический журнал. 2015. № 3. С. 69–79.
2. Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. 1977. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf>

3. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб. : Питер, 2021.
4. Gray C. S. Out of the Wilderness: Prime-time for Strategic Culture. Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office, 2006.
5. Ermarth F.W. Russia's strategic culture: past, present, and... in transition? Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office, 2006.
6. Политические стратегии российского государства как философская проблема / отв. ред. В. Н. Шевченко / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФ РАН, 2011.
7. Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина Паблшер, 2021.
8. Белозёров В. К. Спасительный огонь военной истории Отечества // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 637–639.
9. Белозёров В. К. Отечественная традиция асимметричного воевания // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 86.
10. Белозёров В. К. Пространство и граница России в ценностном измерении // Известия Саратовского университета. «Новая серия». Серия «Социология. Политология». 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 190–195.
11. Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений. М. : Радикс, 1994.
12. Kertzer D. I. Ritual, Politics, and Power. New Haven, CT: Yale University Press, 1988.
13. Свечин А. А. Основы военной доктрины // Русская военная доктрина: материалы дискуссий 1911–1939 годов. М. : Военный университет, 1994.

REFERENCES

1. Belozero, V. K. (2015). Aleksandr Suvorov v trudah Karla Klauzevica = Alexander Suvorov in the works of Karl Klauzevic // Voennyi akademicheskij zhurnal. 2015. № P. 69–79. (In Russ.)
2. Snyder, J. (1977). The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf>.
3. Sergejcev, T., Kulikov, D., Mostovoj, P. (2021). Ideologiya russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossiya = The ideology of Russian statehood. The continent of Russia. Saint-Petersburg. Piter. (In Russ.)
4. Gray, C. S. (2006). Out of the Wilderness: Prime-time for Strategic Culture. Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office.
5. Ermarth, F. W. (2006). Russia's strategic culture: past, present, and... in transition? Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office.
6. Shevchenko V.N. (Ed.) (2011). Politicheskie strategii rossiiskogo gosudarstva kak filosofskaya problema = Political strategies of the Russian state as a philosophical problem. Moscow: IF RAN. (In Russ.)
7. Trenin, D. (2021). Novyi balans sil: Rossiya v poiskah vneshnepoliticheskogo ravnovesiya = The new balance of power: Russia in Search of a Foreign policy balance. Moscow. Al'pina Pablisher. (In Russ.)
8. Belozero, V. K. (2005). Spasitel'nyj ogon' voennoj istorii Otechestva = The saving fire of the military history of the Fatherland. Bezopasnost' Evrazii, 3, 637–639. (In Russ.)
9. Belozero, V. K. (2008). Otechestvennaya tradiciya asimmetrichnogo voevaniya = The domestic tradition of asymmetric warfare. Voенno-istoricheskij zhurnal, 3, 86. (In Russ.)
10. Belozero, V. K. (2021). Prostranstvo i granica Rossii v cennostnom izmerenii = The space and the border of Russia in the value dimension. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya, 2(21), 190–195. (In Russ.)
11. Tsygankov, P. A. (1994). Politicheskaya sociologiya mezhdunarodnyh otnoshenij = Political sociology of international relations. Moscow: Radiks. (In Russ.)
12. Kertzer, D. I. (1988). Ritual, Politics, and Power. New Haven, CT: Yale University Press.
13. Svechin, A. A. (1994). Osnovy voennoj doktriny = Fundamentals of military doctrine // Russkaya voennaya doktrina. Materialy diskussij 1911–1939 godov. M. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожухова Кира Евгеньевна

кандидат политических наук
преподаватель кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozhukhova Kira Evgenievna

PhD in Political Science
Lecturer at the Department of Political Science
of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences
of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.07.2022
одобрена после рецензирования 12.09.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 04.07.2022
approved after reviewing 12.09.2022
accepted for publication 20.10.2022